

**ШАМИЛЬ И МУСУЛЬМАНСКИЕ ДЕРЖАВЫ:
ОТТОМАНСКИЕ ТУРКИ, КАДЖАРЫ
И МЕХМЕТ АЛИ ЕГИПЕТСКИЙ**

Шамиль был третьим, наиболее знаменитым и удачливым предводителем (*имамом*) движения XIX века против попыток России покорить Чечню и Дагестан. Во главе движения сопротивления стояли халидийя – последователи Накшбанди, суфийского тариката (*Алгар Хамид*, 1990. Р. 3–44; *Butrus Abu Manneh*, 1982. Р. 1–21), они же обеспечивали идеологию и организационные основы движения. Будучи одним из лидеров движения с самого его начала, Шамиль вел борьбу против России в течение двадцати пяти лет с момента своего избрания *имамом* в 1834 году и до капитуляции в 1859 г.

Шамиль, так же как и его предшественники, прекрасно сознавал, что они представляют собой небольшой, окруженный со всех сторон народ, воюющий с великой державой. Для них было совершенно очевидно, что в конечном итоге выиграть эту войну собственными силами им не удастся. Более того, лидеры движения не сомневались, что и весь народ это понимает. Следовательно, чтобы уравновесить ситуацию, требовалось вторжение со стороны других мусульман, по крайней мере, какой-либо одной мусульманской державы, а обещание такого вторжения поддержало бы стремление продолжить борьбу.

Две соседние державы, известные в Дагестане и на Кавказе еще со времен античности, располагались на территории Ирана и Анатолии. В XIX веке это были Оттоманская и Каджарская империи. Выбор Шамиля и его последователей был автоматическим и недвусмысленным: с их точки зрения существовала только одна мусульманская держава – Оттоманская империя; каджары *кызылбаши*¹ воспринимались как враги. Такой выбор был продиктован несколькими причинами:

Географическая близость Иранского плато по сравнению с Анатолией означала, что с незапамятных времен дагестанские контакты с государствами, которые на нем располагались, были намного более интенсивными, чем с их анатолийскими соперниками. Повторяющиеся попытки сменяющих друг друга иранских правителей и династий покорить Дагестан, – начиная с Кира в VI веке до н.э. и кончая Надир-шахом в XVIII веке н.э., – превратили Иран в главного врага в глазах дагестанцев. А неоднократные поражения, поскольку большинство нападений было успешно отражено, сделали иранских правителей объектом презрения. Сам факт, что государства Иранского плато враждовали с государствами, расположенными в Анатолии, способствовал тому, что дагестанцы воспринимали последних как своих союзников, и во многих случаях так оно и было в действительности и было.

Дагестанцы и чеченцы были строгими суннитами. То, что иранские государства были шиитскими, служило еще одним основанием расценивать их как врагов. С другой стороны, Оттоманская империя была наиболее могущественной суннитской державой. Так, оттоманский *хункар* считался главой *уммы*, и его власть формально признавалась всеми, тем более что практических последствий это не имело. Шамиль, видимо, выразил всеобщее мнение, когда заявил взятым в плен грузинскому князю и русскому офицеру: "Как смеете вы ([т.е. русские. – Авт.] называть своего правителя *падишахом*? Есть только один Бог на небе и один *падишах* на земле – оттоманский

¹ В Дагестане слово *кызылбаши* приобрело значение "лжец" и "вор" и, таким образом, носило резко оскорбительный характер.

хункар (В.Г. Гаджиев и Х.Х.Рамазанов, 1959. С. 412–423, документ № 221, "Выдержки из доклада л-та Орбелиани, бывшего в плену у Шамиля в 1842 г.", 1843. С. 422).

Принадлежность Шамиля и его соратников к Халидийской ветви Накшбандийского ордена еще более усиливала их антикаджарскую позицию. Являясь одним из наиболее, если не самым, "ортодоксальным" суфийским братством, накшбандийца была резко антишиитской. Но даже в этом "ортодоксальном" суфийском ордене шейх Халид занимал яркую антишиитскую позицию. Он, к примеру, заставлял своих учеников заканчивать "Khatm al-Khwjakan" (заключительные молитвы, которыми заканчивается dhikr в накшбандийской службе), обращением к Богу (d'ua) с просьбой уничтожить (ahlik) всех евреев, христиан, огнепоклонников (majus) и персов шиитов (al-a'jam) (Butrus Abu Manneh, 1982. С. 15).

Все это исключало всякую попытку со стороны Шамиля по собственной инициативе вступать в какие-либо контакты с каджарами. В самом деле, насколько нам известно, практически никаких действий Шамиля среди шиитского населения, проживавшего вдоль русско-каджарской границы (ныне это граница с Ираном и Азербайджаном), не зафиксировано. Единственный известный контакт между Шамилем и каджарами имел место по инициативе *шаха* Мохаммеда (1834–1848). В 1847–48 г.г. *шах* прислал с гонцом "письма к Шамилю с выражением моральной поддержки в борьбе, которую он вел, и с обещанием помощи в тех случаях, когда Персия сможет себе это позволить" (Великобритания, Лондон, Архив Министерства иностранных дел, PRO FO/60/147, Стивенс Палмерстону, № 2, Тебриз, 5 января 1849 г.).

Ответ Шамиля, хотя и составленный в вежливых дипломатических выражениях, не скрывал его взглядов и отношения: он недвусмысленно определил границы своей лояльности: 1) высказав похвалу своему корреспонденту за то, что тот заключил мир с оттоманским *султаном* и обратился с просьбой к известному халидийскому шейху из Курдистана помочь в доставке своих писем; 2) выразив сомнение относительно того, что обещания *шаха* будут когда-либо исполнены. В самом деле, Шамиль зашел так далеко, что в довольно резких дипломатических выражениях упрекнул *шаха* в произнесении высокопарных речей в то время, когда другие сражаются:

«Бог помогает Вам, даруя изобилие материальных благ и власти [...], Вы, очевидно, отвергаете войну и предпочитаете жить в этом мире, не задумываясь о будущем государства.[...] Да будет всем известно, что мы, недалновидные, и с малым числом помощников, ведем всеобщую войну (т.е. *джиха*. – Авт.) против врагов веры и сражаемся с неверными вот уже двадцать один год» [...] (Перевод письма Шамиля, правителя Дагестана, к Его Величеству Мохаммед-шаху" прилагается там же. Полный текст см. *Гаммер*. "Имам и шах". С. 173–174. Еще более резкое письмо Шамиля к шаху (sadr al-mamalik) см. там же. С. 171–172).

В заключение Шамиль с откровенной целью унижить *шаха* подписался "*Имам владений Дагестана*", прекрасно зная, как шииты толкуют этот термин и их реакцию на его "неправильное" употребление (в цитируемом документе). Таким образом, каковы бы ни были намерения *шаха* Мохаммеда, для Шамиля каджары были неприемлемы. Оттоманские турки, напротив, находились на другом конце спектра, и естественно, что *имамы* обратились за помощью в Стамбул. В конце концов любой союз с *хункаром*, кроме того значения, который он имел бы для *имам* в смысле престижности и законности, способствовал бы укреплению морального духа его народа.

Действительно, первое обращение Шамиля за помощью к туркам, зафиксированное в имеющихся источниках, относится к 1839 г. (*Бушуев С.К.*, 1959. С. 38–39). Однако положительного ответа не было ни на это, ни на последующие обращения, сделанные в 1840-х и в начале 1850-х гг. Известно, что многие посланцы были перехвачены русскими или не достигли пункта назначения по какой-либо другой причине. Но и те, кто благополучно добрался до Стамбула, "ничего не смогли добиться от *султана*" (PRO FO/60/133, ff. 66–69, Эббот Палмерстону, № 27, Тебриз, 22 июля 1847 г.).

Оттоманские турки в самом деле пытались побудить горцев десятью годами ранее, в 1828–1829 гг., к войне с русскими. Но теперь *султан* заключил мир с *царем* и не стал бы нарушать его, предоставляя помощь Шамилю. Более того, в 1830-х гг., после "первого кризиса Мехмет Али" 1831–32 гг. (*Андерсон М.С.*, 1966. С. 77–87), Россия стала главным сторонником, (если не сказать, защитником) *султана* против *паши* Египта, и это, конечно, исключало всякое желание делать что-либо, могущее вызвать раздражение русских.

Эта политика не изменилась и после воцарения Абдул Меджида и успешного разрешения «второго кризиса Мехмет Али» в 1839–1841 гг. (*Андерсон М. С.*, 1966. С. 88–109). Действительно, Абдул Меджид эмоционально был менее зависим от русских, чем его отец, но поддерживать мир с Санкт-Петербургом для него было жизненно важно. Следовательно, нечего было и думать о какой-либо помощи Шамилю, особенно учитывая тот факт, что русские не раз выражали крайнее недовольство в случаях каждого иностранного вмешательства на Кавказе.

К счастью для Шамиля, в этой связке существовала еще одна мусульманская держава, которая оказывала помощь *имаму*, причем самым драматическим образом. Именно Мехмет Али, *паша* Египта, за двадцать пять, или около того, лет правления превратил свои владения в третью и, возможно, самую сильную державу на Ближнем Востоке. В 1839 г. состоялась битва при Незибе, в которой Ибрагим-паша, сын Мехмет Али, нанес поражение оттоманской армии и, не встречая сопротивления, дошел до врат Стамбула. С этого момента началось явление, известное в (западной) историографии "восточного вопроса" как "второй кризис Мехмет Али". Новости об этих событиях, зачастую в сильно преувеличенном виде, доходили до Кавказа, не оставляя равнодушными его жителей. Вслед за новостями появлялись эмиссары Мехмет Али, действительные или самозванные, с устными и письменными посланиями. Два таких письма – одно от Мехмет Али-паши (*Гаджиев В.Г. и Рамазанов Х.Х.*, 1959. С. 428–429: документ № 228. Полный перевод см.: Гаммер. "Имам и паша", С.337), другое от Ибрагим-паши (*Юров А. и "Н.В."*. С. 400–401), – были опубликованы в русском переводе. Оба они обещали скорый поход на Россию, оба призывали мусульман Кавказа принять участие в этой военной кампании. Но письмо Мехмет Али содержало важное дополнение:

[...] назначая Шамиля-эффенди вашим *шахом* [sic!] и посылая ему две печати, я повелеваю вам оказывать ему полное повиновение и помочь мне в моем предприятии. [...] Тем, кто не подчинится моему приказу, отрубят головы вместе с головами неверных (*Юров А. и "Н.В."*. С. 400–401).

Ответ на «вопрос, были ли эти письма кем-то сфабрикованы, или паша Египта действительно строил планы вторжения на Кавказ, вероятно, можно будет получить после тщательного изучения египетских архивов. Между тем можно установить несколько важных фактов:

У Мехмет Али были основания, возможности и достаточно умения для того, чтобы вносить смуту на Кавказе².

Он использовал свои способности, торгуясь с Высокой Портой и с европейскими державами. По крайней мере, по одному поводу он заявил, что, «Если европейские державы когда-либо осуществят [...] свое желание блокировать порт Александрии, я немедленно отдам приказ Ибрагиму выступить, и вы [хорошо] знаете, что если он начнет свой поход, ему не составит труда поднять Аравию, Персию и *жители*

---

² В конце концов Россия была для него наиболее враждебной европейской державой. Она продемонстрировала свою враждебность, разместив войска в проливе в 1833 г. и заявив о своей готовности использовать их против паши. Более того, у *паши* имелись основания считать, что российские агенты настраивали население Сирии и Палестины против его правления. Следовательно, он считал себя вправе прописать России то же самое лекарство и тем самым затруднить для нее концентрацию значительных сил для противодействия ему.

лей Дагестана, не говоря уже о Черкесии» (курсив мой. – Авт.) [...] (*Cattaoui R.*, 1936. С. 447–449, документ № 288, «Протокол второго интервью Мехмет Али Рифатбею от 17 августа [“18 Jumanda al Akhir”], вложенного в письмо к Нессельроде от 25 августа 1840 г. С. 447).

Русские власти были обеспокоены возможностью такого поворота событий и имели для этого веские причины. Согласно их собственной оценке, "наши мусульманские провинции, граничащие с Турцией", готовы "к объединенному восстанию в поддержку египетского *паши* по первому знаку его сына Ибрагима" (*Головин Е.А.*, 1842. С. 39. Франция, Париж. Министерство внешних сношений. Дипломатические архивы, переписка политического консула. Россия, Тифлис. Т. I. С. 53–55, "Выдержки из письма французского консула в Тифлисе от 2 сентября 1840 г. (цит. со С. 53). *Юров А. и "Н.В."*. С. 250)³.

Эти и другие письма и действия произвели сильное впечатление на черкесов и чеченцев, тем самым значительно повлияв на события на Кавказе. Наряду с безрассудными действиями России, интригами Англии и другими факторами, они побудили черкесов принять решение о нападении на российские форты вдоль побережья Черного моря. Успешное взятие нескольких фортов послужило сигналом к восстанию чеченцев, что, в свою очередь, круто изменило судьбу Шамиля.

В 1839 г., пока разворачивался "второй кризис Мехмет Али", Шамиль был осажден в Ахульго 10-тысячной русской армией. После восьмидесятидневной осады и четырех попыток штурма крепость пала (*МошеГаммер*, 1991. С. 103–118). Шамиль бежал вместе со своей семьей и несколькими преданными соратниками, и казалось, что его лидерство подошло к концу. Он был, по словам его официального летописца, "словно оброненный лоскут; никто не смотрел на него, никто к нему не подходил" (*Мухаммад Тахир аль-Карахи*. С. 83). Однако подобно фениксу, *имам* поднялся менее чем через год и в течение последующих пяти лет достиг вершин успеха, власти и славы.

Мехмет Али немало способствовал возрождению Шамиля, но и *имам* не был пассивным получателем его поддержки. Шамиль инициировал и поддерживал дальнейшие контакты с *пашой* Египта в течение еще нескольких лет и делал все возможное, чтобы эти контакты и содержание писем Мехмет Али были известны как можно шире. К примеру, вышеупомянутое письмо с выражением поддержки, согласно русским источникам, было в ходу и демонстрировалось еще в январе 1844 г. (*Гаджиев В.Г. и Рамазанов Х.Х.*, 1959. С. 428–129).

Причины, по которым *имам* действовал подобным образом, очевидны. Кроме того, что контакты с легендарным *пашой* Египта благоприятствовали в вопросах престижности и легитимности, Шамиль использовал связь с Мехмет Али взамен связи с *хункаром* для того, чтобы оказывать столь необходимое воздействие на моральный дух своего народа. Более того, в тот момент союз с *пашой* Египта был действительно предпочтительнее контактов с *хункаром*. Чтобы до конца понять, какие преимущества давало использование имени *паши* Египта, следует еще раз подчеркнуть

---

³ Эта оценка была более оптимистичной по сравнению с оценкой французского консула в Тифлисе: "Ибрагим-паша, герой в глазах всех местных жителей, как христиан, так и магометанцев, которые одинаково видят русские власти. Они (все) считают его [Ибрагима] освободителем и воспользуются любой возможностью примкнуть к нему". Франция, Париж. Министерство внешних сношений. Дипломатические архивы, переписка политического консула. Россия, Тифлис. Т. I. С. 53–55, «Выдержки из письма французского консула в Тифлисе» от 2 сентября 1840 г. (С. 53). Действительно, для всех мусульман Кавказа так же, как и для их единоверцев на всем Ближнем Востоке, которым посчастливилось жить в его правление, Мехмет Али стал к тому времени популярным и легендарным героем, и его личность приобрела почти мессианское значение. В ожидании появления его или Ибрагима кавказские мусульмане передавали друг другу "предсказание" неизбежной победы Полумесяца над Крестом". *Юров*. Кавказский сборник. Т. X. С. 250.

огромный авторитет и престиж, которыми обладал Мехмет Али "в глазах горцев", свидетельствовал грузинский князь и русский офицер, бывший пленником Шамиля.

Мехмет Али стоит намного выше, чем [оттоманский] султан, потому что он отвоевал у него [у султана] целое царство, стал верховным правителем [всех] мусульман и покорил неверные народы, такие как *ingliz* [англичане] и *Ifranj* [французы] (Гаджиев В.Г. и Рамазанов Х.Х., 1959. С. 423. Документ из сноски 3).

Но объединение с Мехмет Али давало Шамилю выгоды, связанные не только с вопросами морали и престижа. Согласно некоторым источникам, *паша* Египта оказывал *имаму* Дагестана и Чечни и более осязаемую помощь. Абд-аль-Рахман, кади города Шеки, рассказывал британскому консулу в Тебризе, что Шамиль посылал его с миссией к оттоманскому султану и к Мехмет Али с просьбой о помощи. По его словам, в то время как первый отказался предоставить хоть какую-либо помощь, *паша* Египта послал Шамилю "некоторую сумму денег" и "нескольких инженеров, которые продолжают находиться в этой стране" (PRO FO/60/133, ff. 66–69, Эббот Палмерстону, № 27, Тебриз, 22 июля 1847 г.).

Действительно, Шамиль привлек к себе на службу нескольких человек, у которых были, по крайней мере, три общие характеристики: (а) они были уроженцами Кавказа, а в одном случае – Крыма; (б) все они совершили хадж, путешествовали по Ближнему Востоку и прожили некоторое время в Египте в период правления Мехмет Али; и (с) они обладали техническими навыками. Среди них были: Хаджи Яхья Чиркейский, который организовал и командовал артиллерией Шамиля; Джафар, крымский татарин по происхождению, – создал и управлял одним из пороховых заводов Шамиля; Хаджи Джабраил Унцукульский – построил и управлял заводом по литью пушек и пороховым заводом; и достигший наивысшего положения среди всех Хаджи Юсуф Сафарзаде, или Сафароглу (по-русски Сафаров) (Генко А.Н., С. 31–36; Гаммер. Мусульманское сопротивление).

Чеченец из Алди, Хаджи Юсуф служил у имама инженером, картографом, командовал войсками, был администратором и советником по политическим и правовым вопросам. Как инженер он отвечал за фортификационные вопросы. Как бывший офицер на службе у Мехмет Али он помог Шамилю создать регулярную пехоту – *низам*. В 1854 г. Шамиль отправил его в ссылку, обвинив в несанкционированных контактах с русскими (по другим источникам – с турками). Спустя два года он бежал к русским, где вскоре и умер. Последним проектом Юсуфа было создание для русского командования карты владений Шамиля.

Трудно переоценить вклад этих личностей в военные усилия чеченцев и дагестанцев, в их способность вести войну столь длительное время, в укрепление власти и мощи Шамиля. Их участие составило львиную долю в деле создания регулярных соединений – пехоты и артиллерии, в военных операциях и материально-техническом обеспечении, даже в производстве оружия и боеприпасов. Они много сделали для того, чтобы создать сеть мощных дорог для артиллерии Шамиля, разрушить те дороги, которыми могли пользоваться русские, построить крепости, оказавшиеся впоследствии крепкими орешками для русских. Они занимались даже созданием полевых госпиталей Шамиля. В гражданской сфере они имели огромный авторитет в финансовых и административных вопросах, а также, согласно некоторым источникам, оказывали влияние на "светское" законодательство Шамиля – *низам*.

Не имеет значения, действительно ли Мехмет Али посылал этих людей в Дагестан (хотя мало сомнений в том, что они могли покинуть Египет без его соизволения). Важно то, что и народ Шамиля, и русские верили, что Мехмет Али активно помогает Шамилю. Еще важнее, что инженеры, бывшие прежде на службе у Мехмет Али, оказывали теперь Шамилю такую значительную помощь, с которой нельзя было сравнить никакую другую - ни прошлую, ни будущую. Невозможно угадать, каких успехов добился бы Шамиль без этой помощи, но можно с уверенностью сказать, что без нее он не достиг бы характерных для него вершин могущества и славы.

Следовательно, без всякого преувеличения можно заключить, что помощь Мехмет Али Шамилю, какой бы недолгой по времени она ни была, – ведь его держава поднялась и пала, словно метеор, – была решающей во всех аспектах. Особенно в том, что касается ее своевременности, ведь она пришла в самый трудный для Шамиля час.

Отношения Шамиля и Мехмет Али были одной из главных причин, благодаря которой *имама* так недолюбливали турки. Другими причинами среди прочих были его связи с халидийскими шейхами и халидийской общественностью внутри и вне империи (*Гаммер. Мусульманское сопротивление*)⁴, а также активность его посланцев в беспокойных северо-восточных провинциях, граничащих с Россией и с каджарами (*Гаммер. Мусульманское сопротивление. С. 250–251; Boratav Peter, С. 524–535.*)

Тем не менее Шамиль стремился продолжать контакты, несмотря на трудности и опасности пересечения территории, контролируемой русскими, несмотря на свои неудачи и боль поражений. В конце 1840-х гг., когда пришел конец череде ярких побед Шамиля, а слава Мехмет Али давно померкла, эти контакты стали жизненно важными для Шамиля. В этой трудной ситуации, чтобы продолжать борьбу, более чем когда-либо необходимо было знать, что мусульмане других стран знали об их борьбе, поддерживали ее, готовы были прийти на помощь. Более того, эти контакты сохраняли возможность перемен в оттоманской политике.

В самом деле, признаки, подающие надежды на такие перемены, можно было видеть в том, что Порта продолжала и даже инициировала контакты с Шамилем. Конечно, у турок имелись собственные основания поступать подобным образом: а именно необходимость иметь информацию о движении, чьи мощь и слава стремительно росли, и которое могло угрожать не только интересам, но также миру и спокойствию их страны. Таким образом, в 1843 г. к имаму обратились с просьбой снабжать Стамбул сведениями о его борьбе, тактике, задачах и успехах. Шамиль предоставил подробную информацию, которая, скорее всего, не попала по назначению, так как была перехвачена русскими (*Габричидзе М.М. и др., 1953. С. 226–230, документы №№ 179, 180, 181, 182, Шамиль – Ибрагим-паше, Шамиль – султану, карта владений Шамиля, план резиденции Шамиля, соответственно*). Весной 1848 г. Стамбул повторил свою попытку, на этот раз успешно, так как русские, перехватив письма, сделали с них копии и позволили оригиналам достичь Стамбула (*М.М. Габричидзе и др., 1953. С. 290, 311–313.*)

В отсутствие Мехмет Али Шамиль все более вынужден был разыгрывать оттоманскую карту. Таким образом, *имам* сделал достоянием гласности свои контакты с турками, сообщал о прибытии, – действительном или притворном, – послов из Стамбула, пускал в самое широкое обращение письма от хункара, – неважно, подлинные или фальсифицированные. Шамиль даже пошел на еще один шаг: он часто упоминал о своих планах выступить в поход и встретиться с оттоманской армией. В конце 1840-х и начале 1850-х гг. широко распространился слух или "пророчество" о том, что после прибытия оттоманской армии Шамиль станет *сардаром хункара* на Кавказе (*Руновский Л. С., 1484*). Даже если Шамиль не способствовал появлению такого слуха, он не сделал ничего, чтобы прекратить его хождение. Все это выглядело вполне правдоподобно в изменившейся атмосфере международных отношений, которые нашли свое отражение в росте контактов с турками и в конечном итоге привели к Крымской войне.

Начало Крымской войны было подарком судьбы для Шамиля и его народа. Упорное продвижение русских в Чечне, начиная с 1846 г., привело чеченцев на грань краха. Хотя подавляющее большинство жителей продолжало оставаться под его жестким контролем и было готово продолжать борьбу, они были изнурены голодом, разочарованы и потеряли всякую надежду. Теперь Шамиль перехватил инициа-

---

⁴ Шамиль имел тесные связи с халидийскими шейхами в Курдистане. Последние, как и другие приверженцы Накшбанди, были противниками *танзимата*.

тиву: он отправил послов "уверить турок, что они могут положиться на сотрудничество с ним, и, что как только он узнает об их готовности напасть на русских, он выступит на их стороне" (PRO, FO/78/955, ff. 66–69, Брант-Кларендону, № 3, Эрзерум, 17 октября 1853 г.).

Не дожидаясь ответа, Шамиль выступил и внезапно 5 сентября 1853 г. подошел к Закаталам с войском в 10 000 человек и 4 пушками. Он "заверил жителей, что он следует в Тифлис, где должен встретиться с оттоманским султаном" (Письмо Воронцова Ермолову, Тифлис, 20 сентября [2 октября] 1853 г. // Письма князя Михаила Семеновича Воронцова к Алексею Петровичу Ермолову". *Русский архив*, № 4. С. 465.); Однако оказалось, что имам прибыл на месяц раньше. Турки официально объявили войну России только 5 октября. Узнав, что война еще не началась, истощив свои запасы и находясь под угрозой нападения русских сил с тыла, Шамиль отступил 18 сентября 1853 г.

Вечером 14 июля 1854 года Шамиль с войском из 7 000 всадников и 5 000 человек пехоты появился над Шильди и Алазанской долиной. Ему снова удалось застать русских врасплох, и в течение двух последующих дней его сын с большей частью кавалерии совершал набеги на долину, не встречая сопротивления. Они вернулись в лагерь Шамиля с беспрецедентным количеством пленников и военных трофеев. 21 июля Шамиль отступил в горы и спустя три недели распустил свое войско. Пока его люди праздновали то, что считали необычно удачной кампанией, Шамиль, как говорят, заметил: "Это радость, после которой придется горевать" (*Хаджи Али*, С. 48; Брант – Реглану, № 2. Эрзерум, 30 мая 1854 г. PRO, FO/78/1026, Брант – Реглану, № 2, Эрзерум, 30 мая 1854 г.).

Прежде чем отправиться в этот поход, имам сообщил оттоманскому командующему в Карсе, что он выступает в Тифлис, чтобы встретиться с ними. Будучи, несомненно, информированным о поражениях, которые потерпели турки в течение той зимы, Шамиль "просил *музира* сражаться вместе, если он уверен в своем войске, в противном случае он (Шамиль) советует ему избегать риска поражения и подождать результатов его собственной атаки" (PRO, FO/78/1026, Брант – Реглану, № 2, Эрзерум, 30 мая 1854 г.). Очевидный вывод о неудаче похода турок вскоре получил подтверждение в виде новости об их поражениях на реке Колок (15 июня), при Сенгеле (15 июля) и при Курудере (5 августа 1854 г.): Стамбул теперь представлял собою "трость надломленную", и все, что он мог для него сделать, это послать ему медали и знамена. Такие, послания и памятные подарки могли пригодиться, чтобы поддержать моральный дух народа, и Шамиль пользовался ими в полной мере, но развеять тревоги *имама* они не могли.

Однако вскоре разочарование Шамиля было усугублено оскорблением. Среди пленников, захваченных в Алазанской долине, были две внучки последнего грузинского царя – жена князя Чавчавадзе и вдова князя Орбелиани со своими детьми и французской гувернанткой. Сообщение об их пленении было с гневом воспринято лордом Стратфордом де Редклиффом, всесильным послом Британии в Высокой Порте. Наряду с другими ответными действиями, Редклифф "убедил" Порту послать письмо Шамилю с резкими выражениями упрека за то, что он воюет с женщинами и детьми, и с приказом немедленно освободить их (PRO, FO/78/1004. Перевод письма визиря к Шамилю. 15 октября 1854, приложение к письму де Редклиффа к Кларендону, № 636, Терапия, 30 октября 1854 г.). Четыре года спустя Шамиль дал свою версию событий: «В самом начале войны он (Шамиль) получил предложение подготовиться к встрече с союзными войсками в Имерети. Выразив свое согласие, Шамиль немедленно предпринял шаги для выполнения своего плана [...] Весной 1854 г. он выступил в направлении Чарталаха (Джаро-Белоканы. – Авт.) Он намеревался идти к Тифлису, но, чтобы быть более свободным в своих действиях, направил письмо турецкому командующему в Карсе и Абхазети, в котором сообщил о своих намерениях. В ожидании ответа он отправил своего сына со всей кавалерией и частью пе-

хоты в Кахетию, встав в то же время с оставшимися своими силами лагерем около одного из наших [русских] укреплений [...] Вскоре он получил ответ, содержание которого было чрезвычайно оскорбительным. Вместо благодарности за выраженную им готовность сотрудничать с союзниками и за быстроту, с которой он выполнил свое обещание, ему бросили упрек в таком тоне, словно он был обыкновенным поданным [...] (Руновский Л. С., 1444, запись от 6[18] июля 1860).

Создается впечатление, что ни одна из сторон не была готова к сотрудничеству в тот момент, когда разразилась Крымская война. Если до войны и было достигнуто некоторое согласие, то оно было на самом общем уровне, – уровне намерений, без каких бы то ни было практических приготовлений к возможности такого события. Таким образом, обеим сторонам не хватало реального знания о другой стороне – силе, планах, способностях и проч. И что самое главное, каждый надеялся и ожидал, что союзник сделает всю работу практически сам. Это особенно справедливо в отношении турецких командующих в Карсе.

Огромное разочарование, вызванное действиями Османской Турции в период Крымской войны, было главной причиной, вызвавшей резкий спад сопротивления русским. В течение трех лет после войны русские смогли завоевать всю Чечню и Дагестан, ради которых они воевали почти сорок лет в лучшем случае лишь с небольшим успехом. Это разочарование тем не менее не снизило авторитет *хункара* среди чеченцев и дагестанцев. Точно так же горечь, которую испытывал Шамиль, не мешала *имаму* продолжить контакты с турками. Он по-прежнему ставил его в известность о продвижении русских и просил о помощи. В своем последнем послании имам просил сообщить, ожидает ли Высокая Порта войны с Россией с целью создания отвлекающего маневра в разумный период времени, скажем, в течение нескольких лет. Тогда он продолжит свое дело с желанием оказать помощь и в надежде получить ее. В противном же случае он будет вынужден положить конец этой кровавой войне (PRO, FO/78/1435. О'Брайен – Булверу, частное, Константинополь, 4 августа (копия), приложение к письму Булвера – Расселу, № 151, Терапия. 13 сентября 1859).

После капитуляции Шамиля сослали в Калугу, где он жил словно в золотой клетке. В 1869 г., получив разрешение совершить *хадж*, Шамиль проезжал через Стамбул. Здесь проявилось его отношение к султану, когда он отказался просить о встрече с *хункаром*. Эта горечь, однако, относилась к личности, а не к титулу. Когда его пригласили на встречу с *султаном*, Шамиль оказал ему все положенные почести. Точно такое же отношение *имам* проявил двадцатью семью годами ранее, в 1842 г., когда сказал князю Орбелиани, бывшему в то время его пленником:

«Вы действительно думаете, что *султан* соблюдает заповеди Пророка, и что турки это истинные мусульмане? Они хуже *гяуров*. Если бы только я мог добраться до них, я бы порезал их на двадцать четыре части, начиная с *султана*. Он видит, что мы, его единоверцы, ведем войну против русских за Бога и [за] веру. Так почему же он не помогает нам? Как смеете вы (т.е. русские. – Авт.) называть своего правителя *падишахом*! Есть только один Бог на небе, и один *падишах* на земле – османский *хункар*» (Гаджиев В.Г. и Рамазанов Х.Х., 1959. С. 422, документ из сноски 3).

БИБЛИОГРАФИЯ

Андерсон М.С., 1966. Восточный вопрос. 1774–1923: Исследование в области международных отношений. Лондон.

Бушуев С.К., 1959. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70 годы XIX века). Москва.

Габричидзе М.М. и др., 1953. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов // Сборник документальных материалов. Тбилиси.

Гаджиев В.Г. и Рамазанов Х.Х., 1959. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х годах XIX века. Сборник документов. Махачкала.

Гаммер Моше. Осада Ахульго. Реконструкция и реинтерпретация // Asian and African Studies. Хайфа. Т. 25. № 2 (июль 1991).

Генко А.Н. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Т. II.

Головин Е.А. Очерк положения дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 года // Кавказский сборник. Т. II.

Руновский Л. Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в Калуге // АКАК. Т. XII.

Хаджи Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. VII.

Юров А. и "Н.В.", 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Т. X.

Мухаммад Тахир аль-Карахи. Barigat al-Suyuf al-Daghistaniyya fi ba'd al-Ghazawat al-Shamiliyya. Изд. В.М. Барабанова. Москва–Ленинград, 19

Borataw Peter. La Russie dans les archives Ottomans. Un dossier Ottoman sue l'imam Chamil", cahiers du monde Russe et Sovitique. Vol. X.

Butrus Abu Manneh, "The Naqshbandiyya-Mujaddidiyya in the Ottoman Lands in the Early 19th Century", Die Welt des islams, Vol. XXII. 1982.

Cattaoui R. Le regne de Mohamed Aly d'apres les archives Russes en Egypt (Рим, 1936). С. 447–449. Документ № 288.